

Тысяча восьмисотый годъ.

III 1).

Развитіе заговора противъ Императора Павла.—Опала Свѣчина и призывъ братьевъ Зубовыхъ въ Петербургъ.—Помилованіе опальныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.—Сношенія гр. Н. П. Панина и гр. П. А. Палена съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ.—Увольненіе Панина отъ службы.—Отношеніе Императора къ иностраннымъ представителямъ.—Перлюстрація.—Пребываніе въ Петербургѣ шведскаго короля Густава IV.—Вызовъ иностранныхъ государей на поединокъ.—Дружескія отношенія къ Франціи.—Смерть Рибаса.—Мѣры къ обезпеченію переворота.—Соглашеніе съ Великимъ Княземъ Александромъ.

Веремѣна во внѣшней политикѣ Императора Павла, лишившая графа Никиту Петровича Панина всякой надежды на будущее, побудила его окончательно добиваться исполненія намѣченнаго заговорщиками плана. Но, вступивъ въ сношенія съ Паленомъ, графъ Панинъ никакъ не предвидѣлъ, что всемогущій генераль-губернаторъ еще въ августѣ 1800 года будетъ назначенъ командовать арміей, расположенной на прусской границѣ, и что его мѣсто займетъ генераль Николай Сергѣевичъ Свѣчинъ. Перемѣну эту можно было объяснить только временнымъ неудовольствіемъ Императора, и Паленъ успѣлъ въ скоромъ времени возвратить себѣ его благосклонность, начальствуя войсками на осеннихъ маневрахъ въ Гатчинѣ. Но заговорщикамъ нужно было заручиться расположеніемъ и сочувствіемъ новаго

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1913 г.

генераль-губернатора. Сначала графъ Панинъ, а затѣмъ и Рибасъ пробовали склонить Свѣчина къ участию въ ихъ предпріятіи, но получили категорическій отказъ. Онъ объявилъ при этомъ, что не измѣнитъ ихъ довѣрію, чтобы доносомъ пріобрѣсти милость Государя, но, имѣя для этого всѣ средства, предоставленныя ему закономъ, сумѣетъ исполнить свою обязанность. „Спустя два дня послѣ этого, рассказываетъ самъ Свѣчинъ въ своихъ запискахъ, я утромъ былъ уволенъ отъ должности генераль-губернатора и назначенъ сенаторомъ, а вечеромъ того же дня совсѣмъ отставленъ отъ службы“. Оставляемъ открытымъ вопросъ, чѣмъ была вызвана его внезапная опала. Можно думать, что послѣ категорическаго отказа энергическаго генерала содѣйствовать заговорщикамъ Ольга Александровна Жеребцова употребила для его удаленія все свое вліяніе на Кутайсова, съ которымъ она въ это время вступила въ родственныя связи (Лопухины, сестры фаворитки, вступили незадолго до этого въ бракъ: одна за сына Кутайсова, другая—за сына Жеребцовой). На мѣсто Свѣчина снова назначенъ былъ 27 октября петербургскимъ генераль-губернаторомъ графъ Паленъ. Этотъ успѣхъ побудилъ Жеребцову къ новымъ искательствамъ чрезъ того же новаго ея родственника, Кутайсова, съ цѣлію призвать въ Петербургъ ея опальныхъ братьевъ, Зубовыхъ, жившихъ въ подмосковныхъ своихъ деревняхъ безвыѣздно подъ надзоромъ полиціи.

Ольга Александровна пустила для этого всѣ средства. Она убѣдила Кутайсова, что братъ ея, князь Платонъ Зубовъ, мечтаетъ жениться на его дочери, и вчерашній брадобрей былъ глубоко польщенъ мыслию имѣть своимъ зятемъ всемогущаго фаворита Екатерины; въ то же время она подкупила значительной суммой актрису Шевалье, извѣстную красавицу того времени, бывшую любовницей царскаго любимца и пользовавшуюся вниманіемъ самого Императора. Кутайсовъ умѣлъ ярко изобразить Императору Павлу раскаяніе Зубовыхъ и постигшія ихъ несчастія, доложилъ ему о брачномъ проектѣ, созданномъ Жеребцовой, и Павелъ, съ обычной своей быстротой, не замедлилъ призвать ко двору князя Платона Зубова и брата его Валеріана. Въ началѣ ноября они возвращены были изъ ссылки и осыпаны милостями: имъ отданы были ихъ имѣнія, находившіяся подъ секвестромъ, и оба они назначены были шефами кадетскихъ корпусовъ. Бывая постоянно при дворѣ и посѣщая Кутайсова, Зубовы тщательно слѣдили за положеніемъ дѣлъ и въ то же время упрочили свои связи съ Паленемъ, бывшимъ ихъ креатурой еще въ царствованіе Екатерины.

Графъ Паленъ спѣшилъ воспользоваться милостями царя къ Зубовымъ, чтобы напомнить ему о другихъ опальныхъ, постра-

давшихъ въ его царствованіе: 2 ноября именнымъ указомъ Сенату дозволено было всѣмъ выбывшимъ или исключеннымъ изъ службы военной или гражданской вновь вступить въ службу. Преслѣдуя свои цѣли—собрать въ Петербургъ какъ можно болѣе недовольныхъ, графъ Паленъ исходатайствовалъ оговорку, чтобы всѣ таковыя явились въ Петербургъ для личнаго представленія Государю. Болѣе 2.000 человекъ явились въ Петербургъ послѣ страшныхъ лишеній, испытанныхъ въ пути, безъ средствъ къ пропитанію, въ грязной и рваной одеждѣ. Сначала ихъ принимали милостиво и опредѣляли вновь на службу, но затѣмъ ихъ перестали допускать къ Императору и прошенія ихъ оставались безъ вниманія. Генераль-губернаторъ видѣлъ въ нихъ людей озлобленныхъ и думалъ, что въ случаѣ нужды, они готовы будутъ на все.

Но самыхъ смѣлыхъ заговорщиковъ и болѣе всего лицъ, стоявшихъ во главѣ ихъ, не могла не смущать мысль о страшномъ для нихъ возмездіи, даже въ случаѣ удачи исхода заговора. Предъ этой мыслию останавливался самъ графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ, для котораго, повидимому, не существовало препятствій, и онъ, совмѣстно съ гр. Панинымъ, рѣшилъ привлечь къ заговору самого наследника престола, Великаго Князя Александра Павловича. Личность Александра, казалось, представляла для этого много шансовъ на успѣхъ. Великій Князь не сочувствовалъ отцу въ его системѣ управленія и всегда, когда могъ, являлся ходатаемъ за опальныхъ и несчастныхъ. Ни для кого не составляло тайны, что Императоръ подозрительно относился къ сыну, котораго еще Екатерина думала объявить своимъ наследникомъ, и что Александръ, съ своей стороны, старался своими дѣйствіями создать себѣ популярность. Еще въ 1798 году, съ началомъ фаворитизма Лопухиной, Александръ, по свидѣтельству своей супруги, пришелъ къ мысли о необходимости измѣнить „характеръ своего поведенія“ по отношенію къ отцу, т. е., оставаясь по внѣшности любящимъ почтительнымъ сыномъ, сосредоточить на себѣ надежды всѣхъ недовольныхъ царствованіемъ Павла. Быть можетъ, этимъ образомъ дѣйствій онъ думалъ спасти себя и династію отъ пропасти, въ которую влекъ ихъ причудливый деспотизмъ его отца. Не могъ онъ также не помнить, что его великая бабка сама не считала отца способнымъ царствовать и именно его, Александра, назначила себѣ въ преемники, и вотъ событія оправдывали это желаніе бабки. Лучше чѣмъ кто-либо Великій Князь зналъ настроеніе общества, созданное правленіемъ отца, и всю силу негодованія, вызваннаго его жестокими и произвольными дѣйствіями. Поэтому откровенія графа Панина о необходимости спасти Россію устраненіемъ Павла отъ дѣлъ правленія не были

для него неожиданна. Онъ вступилъ съ нимъ въ переписку и имѣлъ свиданія въ банѣ, гдѣ легче можно было скрыться отъ любопытныхъ взоровъ; на эти свиданія переодѣтый Панинъ являлся изъ предосторожности съ пистолетомъ въ карманѣ. Невозможность заставить отца добровольно отречься отъ престола затрудняла Великаго Князя, въ общемъ соглашавшагося принять на себя обязанности регента Имперіи. Въ этомъ заключался смыслъ его переписки съ Панинымъ. Впослѣдствіи, уже послѣ смерти Павла, когда Александръ, желая уронить Панина во мнѣніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, сообщилъ ей нѣкоторыя письма къ нему Панина, графъ писалъ Императрицѣ: „S'il agit d'une correspondance secrète avec Votre auguste fils, pour la juger il faut la voir toute entière, et il suffirait de mettre sous vos yeux les lettres de l'Empereur pour vous démontrer que ma conduite dans cette circonstance a été un titre à son estime et à sa confiance, pour vous convaincre, Madame, que vous ne pouvez pas m'accuser sans renier votre propre sang. Ma conduite, les motifs qui m'ont fait agir, peuvent, doivent même déplaire à l'épouse de Paul sans cesser d'être pourtant du nombre de ceux qui décident l'homme public; car, en affaires d'Etat l'homme public ne doit point s'arrêter aux cause personnels“. Еще позже графъ Никита Петровичъ, въ рукописномъ „Récit“ о своей опалѣ, завѣрилъ своихъ близкихъ: „il est vrai que je suis possesseur d'un papier autographe qui pourrait prouver jusqu'à évidence que tout ce que j'ai medité et proposé pour le salut d'Etat, quelques mois avant la mort de l'Empereur Paul, a eu la sanction de son fils; mais je ne ferai jamais usage de ce titre auprès de l'Impératrice-Mère parcequ'il pourrait être interprète déforablement à l'égard de l'Empereur Alexandre et que je veux respecter dans la personne d'un Prince, qui m'a méconnu, l'amour maternel au de là du tombeau et jusque dans ses erreurs“. Эти категорическія увѣренія Панина о характерѣ сношеній его съ Александромъ подтверждаются другими современными извѣстіями и дальнѣйшимъ теченіемъ дѣлъ. Въ разгаръ сношеній съ Александромъ Панинъ былъ 15 ноября уволенъ отъ должности вице-канцлера, съ назначеніемъ сенаторомъ, а 18 декабря и вовсе отставленъ отъ службы, съ приказомъ выѣхать изъ Петербурга. Несмотря на всю свою осторожность Панинъ, вѣроятно, возбудилъ подозрительность Императора своими дѣйствіями. Даже о сношеніяхъ его съ Александромъ многіе знали въ высшемъ обществѣ. За пять дней до увольненія Панина отъ службы, датскій посланникъ въ Петербургѣ Розенкранцъ доносилъ 8 декабря своему правительству: „J'apprends que le comte Panin

communiquait par un canal quelconque au Grand Duc, héritier éventuel, la marche des affaires et même celle qu'il comptait leur faire prendre“.

Обстоятельства благопріятствовали графу Панину. Императоръ Павелъ, волѣ котораго непрекословно повиновалась вся Россія, въ сознаниі полноты своей власти, болѣе чѣмъ когда-либо не терпѣлъ противорѣчій. По выраженію графа Ростопчина, бывшаго въ то время, наравнѣ съ гр. Паленомъ, главнымъ его сотрудникомъ, Императоръ „хотѣлъ все дѣлать самъ, требовалъ, чтобы повелѣнія его исполнялись немедленно, и не допускалъ никакого противорѣчія своей волѣ. Приходилось наблюдать крайнюю осторожность, ловить благопріятныя мгновенія и пользоваться добрымъ расположеніемъ его духа, чтобы достигнуть отмѣны отданнаго приказанія, разубѣдить его въ чемъ-либо и склонить его къ мнѣнію, которое мнѣ казалось тогда лучшимъ“. Не будемъ приводить въ доказательство справедливости этого отзыва Ростопчина фактовъ изъ внутренней жизни Россіи: запрещеніе привоза книгъ и музыкальных нотъ изъ-за границы; дѣло Зейдера и капитана Кириичникова, казнь Грузиновыхъ на Дону и т. д. Но въ это же время и во внѣшнихъ сношеніяхъ принимались важныя мѣры, поражавшія современниковъ своею необычайностію и рѣдкостью. Немедленно по занятіи Англіей острова Мальты, русскій торговый міръ пораженъ былъ 23 октября указомъ о наложеніи на англійскіе суда и товары амбарго: такимъ образомъ внезапно остановилась продажа русскаго сырья въ руки главнаго его покупателя въ самый бойкій періодъ осеннихъ запродажъ, и послѣдствіемъ этого были разореніе и банкротство многихъ русскихъ торговцевъ; главные же поставщики сырья, дворяне-помѣщики, вслѣдствіе страшнаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ, пеньку, лѣсъ и т. д. потерпѣли крупныя убытки. Эта мѣра Императора принесла вредъ скорѣе русскимъ, чѣмъ англичанамъ, и вызвала естественно общее раздраженіе.

Чтобы поправить дѣло, 22 ноября изданъ былъ новый указъ комерцъ-коллегіи: „Состоящіе на россійскихъ купцахъ долги англичанамъ повелѣваемъ впредь до расчета платежемъ остановить, а имѣющіеся въ лавкахъ и магазинахъ англійскіе товары въ продажѣ запретить и описать“. Это вторженіе въ сферу гражданскаго права было уже страшно по своей односторонности, ибо потерпѣвшими были, конечно, не одни купцы, коимъ давалась исключительная привилегія—не платить долговъ, но и лица всѣхъ сословій, причастныя къ товарообмѣну, и прежде всего производители, главнымъ образомъ, помѣщики-дворяне, которые, по точному смыслу указа, не освобождались, подобно купцамъ, отъ платежей англи-

чанамъ. Чтобы обуздать самовольства англичанъ на морѣ, Императоръ добился заключенія союза съ Швеціей и Даніей для поддержанія Екатерининскихъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета. Но въ то же время отношенія его къ представителямъ союзныхъ державъ сдѣлались съ точки зрѣнія международнаго права недопустимыми: онъ третировалъ своихъ союзниковъ, какъ своихъ подданныхъ. Сардинскій посланникъ Бальба былъ высланъ изъ Петербурга въ нѣсколько часовъ за границу по неизвѣстной причинѣ: лишь впоследствии узнали, что изъ перлюстрированныхъ депешъ его Императоръ усмотрѣлъ критическое отношеніе его къ нѣкоторымъ полицейскимъ мѣрамъ. Датскій посланникъ Розенкранцъ, сообщая объ этомъ своему двору, счелъ нужнымъ прибавить: „Il n'a point été dit, autant que je le sache, a M. de Balbe par quoi il a en le malheur de s'attirer cette disgrâce. Il n'est cependant pas douteux que c'est sa conduite personnelle qui a déplu et que l'amitié de sa Majesté Impériale pour le Roi, son Maître n'a point été alterée“. Дипломатическій корпусъ въ Петербургѣ безмолвствовалъ при такой обидѣ своего товарища, какъ годомъ раньше молчаливо перенесъ запрещеніе Императора вступать въ какія-либо сношенія съ австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ, Кобенцлемъ. Сардинскій король также не смѣлъ протестовать изъ боязни лишиться единственнаго своего защитника и, говоря словами Розенкранца, могъ только радоваться, что „l'amitié de S. M. J. pour le Roi n'a point alterée“.

Всеобщее вниманіе, впрочемъ, обратилъ на себя тотъ фактъ, что приказъ о высылкѣ Бальбо Высочайше повелѣно было передать ему его же пріятелю, вице-канцлеру, графу Панину, который вслѣдъ за тѣмъ въ тотъ же день уволенъ былъ отъ своей должности. Черезъ нѣсколько дней, впрочемъ, Розенкранцъ успѣлъ узнать „par canal quelconque“, что до свѣдѣнія Павла дошло перлюстрированное письмо Бальбо, въ которомъ этотъ дипломатъ сообщалъ своему правительству, что онъ имѣлъ дѣловой разговоръ съ вице-канцлеромъ, „qui était le seul ministre rien pensant, tandis que tous les entours de l'Empereur sont des queux, rendis aux Français“ (подлинныя выраженія Бальбо)¹⁾. Предположили, что это письмо переполнило чашу терпѣнія Павла, и ранѣе не благоволившаго къ Панину: еще мѣсяць тому назадъ объявленъ былъ ему черезъ Ростопчина высочайшій выговоръ за то, что онъ говорилъ Розенкранцу о постигшемъ нѣкоторыя мѣстности Россіи урожаѣ¹⁾. Увольняя Панина, Императоръ выразился, что „с'est

¹⁾ Дневникъ, 16 октября.

un Romain, sur qui la disgrâce ne ferait point d'impression" ¹⁾).

Не меньшее впечатлѣніе на дипломатическій корпусъ произвело открытіе, что подкупленный камердинеръ прусскаго посланника графа де-Лузи доставлялъ гр. Ростопчину донесенія и письма своего хозяина. Перлюстрація вообще была въ большомъ ходу, и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ были спеціалисты по разбору шифровъ. Императоръ Павелъ лично входилъ въ подробности дешифрированія депешъ иностранныхъ представителей, давая для этого Ростопчину свои указанія ²⁾). Розенкранцъ, обращая вниманіе своего правительства на печальные эпизоды съ Бальбо и Лузи, выражалъ опасеніе и за себя лично, прося въ предупрежденіе возможныхъ случайностей прислать ему новый шифръ для переписки ³⁾). Опасенія эти не были напрасны: очевидно, что донесенія Розенкранца не нравились Императору Павлу, потому что 20 декабря послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „миссіи датской всей выѣхать отсюда“.

Но менѣе безцеремонно поступалъ Императоръ Павелъ и съ другимъ своимъ союзникомъ, Швеціей, на этотъ разъ въ лицѣ ея короля, Густава IV, прибывшаго въ началѣ декабря въ Петербургъ для скрѣпленія личнымъ свиданіемъ съ повелителемъ сѣвера союзнаго съ нимъ договора. Упорный, взбалмошный характеръ короля, достаточно проявившій себя четыре года тому назадъ при сватовствѣ за Великой Княжной Александрой Павловной, не обѣщаль ничего хорошаго изъ встрѣчи его съ Императоромъ Павломъ. Дѣйствительно, Императоръ счелъ себя оскорбленнымъ нѣкоторыми неосторожными выходками „ничтожнаго королька“, далъ въ концѣ концовъ замѣтить, что пребываніе его въ Россіи длится слишкомъ долго. Уже простившись съ Императоромъ, король не принялъ официальнаго отъ него письма, при которомъ препровождался орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, потому, что въ немъ пропущенъ былъ титулъ „Норвежскаго наслѣдника“, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказалъ въ пожалованіи графу Кутайсову высшаго шведскаго ордена Серафимовъ на томъ основаніи, что послѣдній не имѣлъ еще ордена св. Андрея. Тогда разгнѣванный Павелъ велѣлъ тотчасъ же возвратиться придворной свитѣ и кухнѣ, назначеннымъ сопровождать короля до границы, такъ что безъ помощи одного финскаго свя-

¹⁾ Дешеша Розенкранца отъ 13 декабря.

²⁾ Дневникъ, 16 октября.

³⁾ „Je vous envoie le chiffre Prussien, писалъ онъ Ростопчину 7 октября 1800 г., c'est le nouveau et mettez-vous a l'ouvrage à déchiffrer tout de que Lousi a écrit. Ecrivez-moi demain si ce chiffre est bon, car je crains que cela ne sait celui que nous avons déjà“. Дневникъ Ростопчина.

щенника король и сопровождавшія его лица не имѣли бы пропитанія. Графу же Кутайсову тотчасъ былъ пожалованъ орденъ св. Андрея. Вслѣдъ затѣмъ для большаго наказанія „королька“ запрещень былъ 19 декабря вывозъ хлѣба въ Швецію. Отношенія Россіи къ Пруссіи оставались напряженными, потому что Пруссія еще не выказывала склонности присоединиться къ союзу сѣверныхъ державъ противъ Англіи, но Императоръ, по старымъ своимъ симпатіямъ къ ней, пока щадилъ ее; мало того, онъ выразилъ ей свое благоволеніе въ весьма странной формѣ. 8 декабря дано было слѣдующее повелѣніе гр. Ростопчину: „когда прусскій министръ говорить будетъ о позволеніи ссылатъ въ Сибирь преступниковъ своихъ, то ихъ принимать“. Къ счастью для достоинства Россіи, повелѣніе это не было приведено въ исполненіе.

Съ высылкой датскаго посольства изъ Петербурга тѣсно связанъ комическій фарсъ, плодъ игриваго ума Императора Павла, вызова государей Европы на поединокъ для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ. Вызовъ этотъ, собственноручно написанный Павломъ по-французски, былъ переведенъ, по его приказанію, потомъ Коцебу на нѣмецкій языкъ для помѣщенія въ „Гамбургской Газетѣ“. „Вы слишкомъ хорошо знаете свѣтъ, сказалъ онъ при этомъ Коцебу, чтобы не слѣдить за текущими событіями. При этомъ я часто поступалъ глупо (ich habe mich oft dumm benommen), и справедливость требуетъ, чтобы я за то былъ наказанъ, и въ этихъ видахъ я самъ наложилъ на себя покаяніе“. Статья Императора была слѣдующаго содержанія: „Насъ извѣщаютъ изъ Петербурга, что русскій Императоръ, видя, что европейскія державы не могутъ согласиться между собою, и желая положить конецъ войнѣ, уже одиннадцать лѣтъ терзающей Европу, намѣренъ предложить мѣсто, въ которое онъ пригласитъ всѣхъ государей прибыть и сразиться между собою на поединкѣ, имѣя при себѣ въ качествѣ присиѣшниковъ, судей поединка и герольдовъ, просвѣщеннѣйшихъ своихъ министровъ и искуснѣйшихъ генераловъ, какъ-то: гг. Тугута, Питти, Бернсторфа, при чемъ онъ самъ намѣренъ взять съ собою генераловъ Палена и Кутузова. Не знаемъ, вѣрится ли этому; однако же извѣстіе это, повидимому, не лишено основанія, ибо носитъ отпечатокъ тѣхъ свойствъ, которыя ему часто приписывали“. Дѣйствительно, эту шутку несчастнаго Государя приняли всѣ, въ особенности его враги, за нѣчто серьезное и видѣли въ ней отпечатокъ психической ненормальности, которую стали ему приписывать. Очевидно, что самъ Императоръ понялъ значеніе ложнаго шага, имъ сдѣланнаго, но для объясненія вызова, напечатаннаго и въ русскихъ газетахъ, напечатана была въ „С.-Петербургскихъ“ и „Московскихъ“

вѣдомостяхъ (19 и 27 февраля 1801 г.) статья не менѣе страннаго содержанія:

„Наконецъ открылось, что означаетъ извѣстіе, помѣщенное 30-го числа минувшаго декабря въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 24 и 34. Загадка разрѣшена. Въ російскомъ императорскомъ кабинетѣ никакой не произошло перемѣны, и политическія дѣла остались въ прежнемъ положеніи. Статья сія, которую никто понять не могъ (sic!), извлечена изъ нѣкотораго письма, писаннаго въ Копенгагенъ бывшимъ датскимъ при російско-императорскомъ дворѣ министромъ Розенкранцемъ. Говорятъ, яко бы Его Императорское Величество во время стола въ день Рождества Христова сказалъ: „Что весьма хорошо бы было, если бы Государи рѣшились прекратить взаимныя ихъ несогласія, по примѣру древнихъ рыцарей, на опредѣленномъ для ихъ подвиговъ полѣ“. На сей-то шуткѣ помянутый датскій министръ основалъ извѣстіе, которое онъ посылалъ въ Копенгагенъ. Остановленное на почтѣ письмо его было распечатано и представлено Его Императорскому Величеству. Его Величеству благоугодно было приказать напечатать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ краткую изъ онаго выписку и разослать оную ко всѣмъ своимъ министрамъ, при иностранныхъ дворахъ находящимся. Въ то же самое время Его Императорское Величество приказать изволилъ всему датскому посольству выѣхать изъ Петербурга. Въ нѣкоторыхъ письмахъ утверждаютъ, будто бы г. Розенкранцъ предупредилъ сіе повелѣніе и будто бы императорскіе драгуны не могли его догнать. Впрочемъ, происшествіе сіе, повидимому, никакой не произвело перемѣны въ добромъ согласіи между сими двумя дворами. Изъ Копенгагена пишутъ, что нейтральный трактатъ ратификованъ его величествомъ, королемъ датскимъ, 10-го числа сего мѣсяца, т. е. спустя мѣсяць послѣ подписанія онаго. (Изъ англійскаго журнала)“.

Очевидно, это ad hoc неловко придуманное объясненіе никого не могло обмануть. Мы теперь знаемъ всѣ подробности исторіи съ вызовомъ, переданныя Коцебу въ его „Достопамятномъ годѣ моей жизни“, и можемъ достовѣрно заключить, что Розенкранцъ былъ тутъ ни при чемъ. Точно также совершенно невѣрно, будто шутка о вызовѣ сказана была Государемъ въ день Рождества Христова: „Дневникъ“. Ростопчина указываетъ точно дату изгнанія датской миссія—20 декабря, а переводилъ Коцебу составленный Государемъ вызовъ, по его показанію, въ первой половинѣ декабря. И въ чемъ была вина Розенкранца, если онъ сообщилъ своему правительству о шуткѣ Государя, уже предназначенной къ опубликованію? Наконецъ, самый фактъ признанія русскаго правительства въ перлю-

страціи донесеній иностранныхъ агентовъ при русскомъ дворѣ едва-ли былъ умѣстенъ въ русскихъ газетахъ. Но поразительнѣе всего было сообщеніе, что высылка иностранной миссіи въ полномъ ея составѣ по самому ничтожному поводу и обращеніе съ представителемъ дружественнаго двора, „comme s'il était un vagabond sans aveu“,—„никакой не произвело перемѣны въ добромъ согласіи между двумя дворами“. Не мудрено, что Императоръ Павелъ не хотѣлъ видѣть границъ своему всемогуществу.

На-ряду съ этими дѣйствіями Императора Павла на дипломатическомъ поприщѣ укрѣплялись дружескія отношенія къ Франціи. Получивъ донесенія Спренгпортена, отправленнаго во Францію для приѣма русскихъ плѣнныхъ, о почетномъ приѣмѣ, оказанномъ ему первымъ консуломъ, Императоръ Павелъ написалъ 18 декабря генералу Бонапарту собственноручное письмо, въ которомъ онъ предлагалъ ему „возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается“. Почти въ это же время получилъ онъ и отъ перваго консула письмо, гдѣ новый владыка Франціи заявлялъ, что какъ скоро Русскій Государь пришлетъ къ нему довѣренное лицо съ полномочіями, то чрезъ 24 часа спокойствіе водворится на материкѣ и на моряхъ. Прямымъ послѣдствіемъ этого письма было записанное въ „Дневникѣ“ Ростопчина Высочайшее повелѣніе, данное въ день Рождества Христова: „внушить королю французскому, чтобы ѣхалъ изъ Митавы“. Этимъ распоряженіемъ Императоръ Павелъ отказывалъ говимому Людовику XVI въ гостепріимствѣ, еще такъ недавно широко ему предложенномъ, и окончательно порывалъ связи со всѣми сторонниками „de la bonne cause“, столь многочисленными въ петербургскомъ обществѣ. Всѣ французскіе эмигранты, изъ которыхъ многіе успѣли уже хорошо пристроиться на русской службѣ и даже породниться съ русской аристократіей, чувствовали, что и на нихъ надвигается страшная гроза...

Любопытно, что, по игрѣ капризной судьбы, другъ и сотрудникъ графа Панина, адмиралъ де Рибасъ началъ пользоваться благоволеніемъ Императора почти съ того самаго дня, когда другъ его лишился вице-канцлерскаго мѣста. 14-го декабря де Рибасъ, пользовавшійся репутаціей опытнаго дѣльца, при начавшихся приготовленияхъ къ войнѣ съ Англіей, назначенъ былъ помощникомъ графа Кутайсова, президента адмиралтействъ-коллегіи и, за его болѣзнь, сдѣлался докладчикомъ Императора по морской части. Посѣдѣлый въ интригахъ, коварный италянецъ умѣлъ вкрасться въ довѣріе Государя настолько, что Павелъ былъ отъ него въ восхищеніи. Угадывая мысли Государя, онъ обнадеживалъ его быстрымъ вооруженіемъ флота, предназначеннаго къ дѣйствіямъ про-

тивъ флота, и приведеніемъ Кронштадта на положеніе неприступной крѣпости, хотя, по словамъ Шишкова, эти обнадеживанія основывались на мѣрахъ „игрушечнаго“ свойства. Но важно было то, что Рибасъ задумался надъ выборомъ пути, которому онъ долженъ былъ слѣдовать. Возникалъ вопросъ, не лучше ли воспользоваться довѣріемъ Царя и его милостями, чтобы, предавъ товарищей своихъ по заговору, обезпечить свое будущее? На эти мысли должна была натолкнуть Рибаса особенная близость его къ іезуитамъ и къ главѣ ихъ въ Россіи, патеру Груберу, пользовавшимся въ то время чрезвычайною благосклонностью великаго магистра ордена Іоаннитовъ, т. е. Императора Павла. Во всякомъ случаѣ, милости Императора Павла были губительны для Рибаса: его союзники и друзья по заговору знали его предательскую натуру и боялись несомнѣнно, что онъ не устоитъ противъ искушенія. Кутайсовъ и сестра княгини Гагариной, фаворитки Павла, бывшая замужемъ за сыномъ Жеребцовой, каждое неосторожное слово Рибаса, сказанное Императору, могли узнать отъ самого Павла и передать друзьямъ Рибаса, столь интересовавшимся его возвышеніемъ. Какъ бы то ни было, но не прошло и двухъ недѣль послѣ начала всеподданнѣйшихъ докладовъ Рибаса, какъ онъ внезапно заболѣлъ какою-то странною болѣзью. Другъ его, графъ Никита Петровичъ Панинъ, съ самаго начала болѣзни Рибаса, не отходилъ отъ его постели и даже не допускалъ къ нему Грубера. По преданію, сообщенному М. Н. Лонгиновымъ, Рибасу дали, наконецъ, „по ошибкѣ“ вредное лѣкарство, принявъ которое, онъ 2 декабря уже отдалъ Господу Богу грѣшную свою душу. Пушкинъ записалъ со словъ современниковъ, что незадолго до своей смерти Рибасъ будто бы раскаялся въ своемъ соучастіи въ заговорѣ и думалъ написать о томъ Императору, но не успѣлъ. Зная характеръ Рибаса, едва-ли мы ошибемся, если отнесемъ это его запоздалое „раскаяніе“ ко времени, предшествовавшему его болѣзни. Несомнѣнно одно, что привести свое намѣреніе въ исполненіе ему не удалось бы во всякомъ случаѣ: слишкомъ зорко слѣдили за нимъ его же единомышленники.

Уѣзжая изъ Петербурга послѣ разразившейся надъ нимъ опалы, графъ Никита Петровичъ Панинъ оставлялъ дѣло заговора въ зачаточномъ еще видѣ, но въ надежныхъ рукахъ графа Палена. Мы уже видѣли, что Паленъ не раздѣлялъ иллюзіи своего истиннаго друга о возможности переменъ правленія путемъ, имѣвшимъ видъ законности, напр., рѣшеніями Сената. Съ самаго начала Паленъ рѣшилъ дѣйствовать путемъ насильственнаго переворота, для чего, прежде всего, требовалось заручиться согласіемъ наследника престола. За отъѣздомъ Панина, графъ Паленъ вынужденъ былъ самъ

лично вести переговоры съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ.

Съ Паленомъ Великому Князю вести дѣло было труднѣе, такъ какъ онъ требовалъ перехода отъ словъ къ дѣлу: на энергическія настоянія генерала невозможно было отдѣлываться общими фразами, „слушать, вздыхать и не отвѣчать ничего“. „Я рѣшилъ, наконецъ,— рассказывалъ графъ Палень графу Ланжерону,— проломать ледъ и высказать ему откровенно и прямо все то, что моему нужно было дѣлать. Александръ сначала показалъ видъ, что онъ отвергаетъ мой проектъ; онъ сказалъ, что онъ не отрицаетъ опасности, въ которой находится имперія и онъ самъ, но что онъ рѣшилъ терпѣть все, лишь бы не предпринимать ничего противъ отца. Этотъ отвѣтъ меня не удовлетворилъ и я возобновилъ свои настоянія, давая ему чувствовать всю неотложность переворота, котораго необходимость ясна была съ каждымъ новымъ днемъ, съ каждымъ новымъ безумствомъ (*une nouvelle folie*); я пробовалъ льстить и утрашить, представляя, что ему остается выбрать между трономъ или тюрьмой и даже плахой. Мнѣ удалось, наконецъ, поколебать его сыновнюю почтительность и даже опредѣлить, совмѣстно съ Панинымъ, средства къ предпріятію, необходимость котораго онъ не могъ не признавать. Но я долженъ сказать правду, что Великій Князь не соглашался ни на что до тѣхъ поръ, пока не вырвалъ отъ меня самой священной клятвы въ томъ, что на жизнь его отца не будетъ произведено никакого покушенія. Я не былъ настолько лишенъ здраваго смысла, чтобы не сознавать невозможности исполнить это обѣщаніе, но нужно было успокоить щекотливость моего будущаго Государя и я его успокоилъ въ этомъ отношеніи, вполнѣ, впрочемъ, увѣренный, что требованіе его не будетъ исполнено“.

Изъ разсказа графа Палена можно предполагать, что Панинъ еще во время пребыванія своего въ Петербургѣ согласенъ былъ на насильственный переворотъ и связанныя съ нимъ послѣдствія,— что онъ впослѣдствіи энергически отрицалъ, и что Великій Князь, совмѣстно съ Паленомъ и Панинымъ, еще въ декабрѣ 1800 года принималъ мѣры для подготовленія переворота. „Императору,— говоритъ тотъ же Палень,— внушили нѣкоторыя подозрѣнія о моихъ связяхъ съ Великимъ Княземъ Александромъ, и мы объ этомъ знали. Я не могъ посѣщать Великаго Князя, мы не могли даже долго разговаривать между собою, несмотря на то, что насъ сближали служебныя обязанности. Поэтому мы сообщали другъ другу свои мысли и необходимыя указанія только посредствомъ писемъ (вѣра, признаюсь, неблагоразумная и опасная, но неизбѣж-

ная). Великій Князь на наши письма отвѣчалъ своими, которыя передавалъ мнѣ Панинъ; мы ихъ читали, составляли на нихъ отвѣтъ и затѣмъ тотчасъ же сжигали ихъ. Однажды Панинъ сунулъ мнѣ въ руку одно такое письмо въ пріемной Императора прежде, чѣмъ Государь вышелъ. Я думалъ, что буду имѣть время прочесть это письмо, отвѣтить на него и сжечь, но Павелъ внезапно вышелъ изъ своей спальни, увидѣлъ меня, позвалъ и увлекъ меня въ свой кабинетъ, дверь котораго онъ закрылъ: я едва имѣлъ время спрятать письмо Великаго Князя въ свой правый карманъ“.

„Императоръ,— продолжалъ разсказъ свой Паленъ графу Ланжерону, — говорилъ со мною о пустякахъ. Въ этотъ день онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа: онъ смѣялся, шутилъ и, наконецъ, хотѣлъ запустить руки въ мои карманы, сказавши: „мнѣ хочется посмотреть, что у васъ тамъ; быть можетъ, любовныя записочки?“— Вы меня знаете, любезный Ланжеронъ, вы знаете, что я не трусливъ и не легко теряюсь, но я долженъ признаться, что, если бы въ этотъ моментъ мнѣ пустили кровь, то изъ моихъ жилъ не вышла бы ни одна капля крови“.

— „Какъ же вы вышли изъ этой опасности?“ — спросилъ Ланжеронъ.

— „Вотъ какимъ образомъ,— отвѣчалъ Паленъ.— Я говорю Императору: „Государь, что же вы дѣлаете? Оставьте это. Вы терпѣть не можете табаку, а я очень люблю его нюхать. Мой платокъ имъ совсѣмъ запачканъ, вы загрязните себѣ руки, ваши пальцы пропитаются противнымъ для васъ запахомъ“. Тогда Императоръ отдернулъ свои руки и сказалъ: „Фи, какая гадость! Вы правы“. Вотъ какимъ образомъ я спасся!“

Когда Великій Князь рѣшилъ дѣйствовать со мной, то я приобрѣлъ важнѣйшій залогъ для успѣха... Онъ мнѣ отвѣчалъ за содѣйствіе своего Семеновскаго полка...

Тайна сношеній Великаго Князя съ Паленомъ и Панинымъ, однако, не могла остаться тайной для многихъ. Уже въ началѣ царствованія Александра удаленный отъ дѣлъ графъ Ростопчинъ, въ письмахъ къ князю Циціанову, сообщалъ ему, что у него въ рукахъ былъ такой автографъ Александра, что если бы онъ поднесъ его Императору Павлу, то Великому Князю грозила страшная участь. Письма Александра не всѣ уничтожались. Мы видѣли, что такой же автографъ былъ у Панина; тѣмъ болѣе основаній думать, что и графъ Паленъ, специально изучавшій „пфиффигологию“, не устоялъ противъ искушенія записаться на всякій случай доказательствомъ участія Александра въ заговорѣ. Разъ попавши

въ сѣти такихъ мастеровъ въ дѣлѣ заговоръ, какъ Панинъ и Паленъ, Александръ долженъ былъ идти по наклонной плоскости, уже не оглядываясь назадъ: ему уже не было возврата!

Ничего не вѣдавшая Императрица Марія Ѳеодоровна писала 21 декабря Нелидовой: „Pahlen est un digne et estimable homme et le seul homme en place que j'estime encore“...

Россія вступала въ 19-е столѣтіе, при самыхъ мрачныхъ и ужасныхъ ожиданіяхъ общества...

Е. С. Шумигорскій.

